

ГЛИНСКИЙ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

**Понимание и политика:
теория тоталитаризма Ханны Арендт
в контексте её философско-герменевтической
программы**

Специальность 09.00.03 – история философии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Работа выполнена на кафедре философии факультета социологии, экономики
и права Московского педагогического государственного университета

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор
МАХЛИН ВИТАЛИЙ ЛЬВОВИЧ

Доктор философских наук, доцент
ЛЕВИКОВА СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор

ТРУБИНА ЕЛЕНА GERMANOVNA

кандидат философских наук, доцент

ЧЕРНЕНЬКАЯ СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА

Ведущая организация: Институт философии РАН

Защита состоится «21» июня 2010 г. в 15⁰⁰ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.154.06 при Московском педагогическом
государственном университете по адресу: 119571, г. Москва, пр-т.
Вернадского, д. 88, ауд. 818.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского
государственного педагогического университета по адресу: 119992, г.
Москва, ул. М. Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан

«19» сентября 2010г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

В.В. Михайлов

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000727213

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Тоталитарные режимы XX в. (коммунистический в СССР, национал-социалистический в Германии, фашистский в Италии) ушли в прошлое, но как социокультурный феномен тоталитаризм принадлежит не только политической истории или истории идеологий, но также истории бытия и мышления на исходе Нового времени – событию, не вполне завершённому в новом столетии. «Современность» этого события уже во второй половине XX в. (после второй мировой войны) вызвала острые выступления и дискуссии о судьбах европейской философии и культуры в Новое время.¹ Однако в этих размышлениях и обсуждениях опыт тоталитаризма, как правило, составлял фон, но не становился принципиальной темой и проблемой. С другой стороны, в многочисленных исторических, политологических и социологических исследованиях редко можно встретить попытки поставить в существенную связь тоталитарные движения и социокультурную проблематику эпохи, когда эти движения стали возможны и были успешны. Методологический разрыв между общественно-политической историей и так называемой «духовной историей», или «историей идей» (history of ideas) препятствует осознанию более глубоких причин, следствий и задач преодоления тоталитаристского прошлого. История тоталитаризма во всей своей беспрецедентности, неприглядности и «безумии» предстает радикальным вызовом не только здравому смыслу и человечности, но также философскому и научному разуму. Поэтому актуален вопрос: каким образом тоталитаризм, как «исторический феномен»,² входит в «открытое» событие конца Нового времени, сохраняя не только интерес для историков и политологов, но и специфическую актуальность для историков философии?

Под углом зрения этого вопроса в данном диссертационном исследовании анализируется и оценивается концепция тоталитаризма, разработанная немецко-американским мыслителем и «теоретиком политики» (как она себя называла) *Ханной Арендт* (1906-1975). Арендтовская теория тоталитаризма представлена в двух книгах: в фундаментальном исследовании «Истоки тоталитаризма» (1951)³ и в напумевшем «отчете» о суде над нацистским преступником – «Банальность зла», а также в целом ряде статей. Не будет преувеличением сказать, что условия возможности тоталитаризма («элементы кристаллизации» на языке Х.Арендт) – сквозная тема этого мыслителя. Правда, начиная со второй половины 1950-х гг. творчество Х.Арендт, а равно и рецепция его, постепенно оттесняли проблематику тоталитаризма на второй план, а на передний план вышла ее

¹ См. в особенности: Хайдеггер М. Письмо о гуманизме (1947) // Он же. Время и бытие (пер. В.В.Бибихина). М., 1993. С.192-220; Гвардини Р. Конец нового времени (1950) // Вопросы философии, 1990, №4; Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне (1985). М., 2003; Дж. Лукач. Конец двадцатого века и конец эпохи модерна (1993). СПб., 2003.

² Тоталитаризм как исторический феномен / Под ред. А.А. Кара-Мурзы и А.К.Воскресенского. М., Философское общество СССР, 1989.

³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. Перевод сделан со второго издания этой книги (1966).

политическая философия, точнее – исследовательская программа, разработанная в таких книгах, как «Между прошлым и будущим» (1954), «Ситуация человека» (1958) и «Жизнь духа» (1978). Тем не менее, новое обращение (возвращение) к арендтовской теории тоталитаризма в наше время представляется актуальным по следующим соображениям.

Во-первых, восприятие и оценки этой теории в научной литературе характеризуются устойчивой неоднозначностью и потому нуждаются в уточняющей верификации. Хотя книга «Истоки тоталитаризма» давно признана «классическим» исследованием, критические замечания, недоумения и вопросы, которые не перестает вызывать этот труд, связаны в особенности с тем, что *способ подхода*, практикуемый Х.Арендт, не вполне соответствует традиционным специализированным «дискурсам» (жанрам речевого мышления и исследования) – историографическому, философскому, политологическому и т. п. Характерно, что имя Х.Арендт почти не упоминается в репрезентативных антологиях по социально-политической философии или политической теории. Относится ли «первая великая работа Арендт» (П.Рикер) к истории политики или к истории духовной культуры, является ли она исследованием политолога, философа, социального психолога или историка идеологий, а может быть «просто» литератора? Исчерпывается ли актуальность «отчета» Х.Арендт о суде над главным «менеджером» Холокоста, Адольфом Эйхманом, публичным скандалом первой половины 1960-х гг., вызванным этой книгой, или в жанре корреспонденций «из зала суда» здесь представлена (возможно, на все времена) настоящая, хотя и скандально сниженная, «герменевтика зла», в которой критика так называемой тоталитарной личности, а равно и ее судей, почти гротескно соединяется с проблематикой классической философии, а именно – с «критикой способности суждения», продолжая и обновляя традицию главного, по мнению Х.Арендт, «политического» мыслителя Нового времени – И.Канта?⁴ Не странен ли тезис, отстаиваемый в «Истоках тоталитаризма», что самые отталкивающие и, по-видимому, бредовые утверждения и притязания идеологов тоталитаризма нужно принять всерьез, или попытка Х.Арендт показать, что тоталитаризм не только «народен», но и специфически «экзистенциален»? В чем историко-философские основания и логика «странности» и в то же время «адекватности» метода Х.Арендт, о которых говорят исследователи? Почему арендтовская картина тоталитаризма как раз не похожа на «картину», т.е. не является традиционным для Нового времени способом видения и опредмечивания смысла как «объекта», отделенного от меня, видящего, и от моей современности? Почему у Х.Арендт можно найти не столько «идеологическую» критику тоталитаризма, сколько особый подступ к феноменам и опыту тоталитаризма как «событию»? Таков первый круг

⁴ См.: Arendt H. Lectures on Kant's Political Philosophy / Ed. by Ronald Beiner. – Chicago, 1982; Арендт Х. Лекции по политической философии Канта (пер. А.Д. Сидорова). – СПб.: Издательство «Лань», 2009, № 1-3. Калининград. РГУ им. И.Канта.

вопросов, определивших проблемную актуальность данного диссертационного исследования.

Во-вторых, в научно-критической литературе не вполне прояснена взаимосвязь между философским ученичеством Х.Арендт в 1920-е гг. и ее исследовательской программой, сложившейся в эмиграции в США в 1940-е гг. Своеобразие арендтовской программы исследования исторических, теоретических и духовно-идеологических феноменов – парадоксально и в этой парадоксальности актуально для историка современной философии. С одной стороны, импульсы феноменологии и экзистенциально-герменевтической онтологии, воспринятые от философских учителей (в особенности - от М.Хайдеггера), далеко увели Х.Арендт за пределы и экзистенциализма, и традиционной герменевтики, и от фундаментального для европейской философии (греческого) концепта «теории». Но, с другой стороны, этот выход за пределы ученичества, неоднократно декларированный Х.Арендт разрыв с «философией» (как и пожизненная полемика с М.Хайдеггером) были развитием совершенно определенной (в особенности хайдеггеровской) *школы мысли*. Больше того: сама эта «школа», в свою очередь, была развитием традиции критики философской традиции; как писала Х.Арендт в ранней статье о С.Кьеркегоре (1932), «философ восстал против философии». Можно сказать, что эта традиция и эта школа мысли, в особенности предпринятый молодым М.Хайдеггером поворот традиционной философии (от Платона до неокантианства) к «герменевтике фактичности», позволили Х.Арендт осуществить «политический» поворот *этого поворота*, обращение воспринятой от Хайдеггера герменевтики «мыслящего чтения».⁵ Иначе говоря, в философско-герменевтической традиции «понимания» в 1920-е гг. произошел разрыв, продуктивно продолжавший ту же традицию; в мышлении Х.Арендт этот разрыв был еще более радикальным, чем в мышлении М.Хайдеггера (и полемически обращенным к учителю). Отсюда - второй круг вопросов, образующий проблематику этого диссертационного исследования. В каком отношении находится главный тезис теории тоталитаризма Х.Арендт – утверждение, что тоталитаризм не только обнажил «подлинно радикальную природу зла», но и обнажил («на уровне исторического понимания и политического осмысления») цивилизационный «слом» западноевропейской истории, - с исследовательской программой Х.Арендт?

В-третьих, наконец, преодоление тоталитарного прошлого стало, судя по многим признакам, по-новому актуальной проблемой в наше время. В историко-философских и социально-философских исследованиях эта актуальность выражается в двух взаимосвязанных тенденциях. С одной стороны, предметом дискуссий все чаще становится «кризис либерализма», чреватый рецидивами тоталитаристских настроений, мифологий и идеологий. С другой стороны, в современной философии, в том числе отечественной, можно заметить по-новому углубленный интерес к

⁵ Арендт Х. Хайдеггеру – восемьдесят лет. Цит. изд. С.128.

«политическому» как реальной сфере человеческих возможностей и свободы.⁶ В этой связи по-новому актуальна занятая Х.Арендт уже в середине XX в. позиция, резко критическая как по отношению к террористическим идеологиям, так и по отношению к выродившимся формам европейского либерализма и гуманизма. При этом, однако, ее критика - не «против», а «за»: по мысли Х.Арендт, фундаментальные европейские ценности, идеи свободы и человечности, не отделимы от либерализма Нового времени, но и не совпадают с ним. Не идеологическое противодействие или апология, но герменевтическое переосмысление (в разрезе современности) обманчиво устойчивых, «классических» понятий и традиций – в этом направлении развивалась арендтовская программа «понимания» истории, одновременная и аналогичная по импульсам и замыслу в особенности философско-герменевтической программе Г.-Г. Гадамера, но вносящая в «герменевтику традиции» - и здесь Х.Арендт отчасти сближается с другим еще учеником М.Хайдеггера, с Лео Штраусом (но не с его неоконсерватизмом!) – измерение и пафос «политического». Тем самым теория тоталитаризма Х.Арендт обнаруживает историко-философское измерение, в котором она и должна быть рассмотрена и реконструирована.

Актуально, таким образом, сближение экзистенциально-герменевтической традиции («новой онтологии» XX в.) с политической философией XX в., предмет которой не только и даже не столько проблемы метода и текста, сколько, по словам упоминавшегося Л.Штрауса, «жизнь нефилософская, человеческая».⁷ В данной диссертации теория тоталитаризма Х.Арендт рассматривается как продолжение онтологического и антропологического «поворотов» прошлого столетия – продолжение, осуществленное в особенности первым поколением учеников М.Хайдеггера – таких, как Г.-Г. Гадамер, К.Левит, Л.Штраус, Г.Йонас, Г.Маркузе, Г.Липпс, О.Ф.Больнов и, конечно, Х.Арендт. По мнению, диссертанта, «герменевтический поворот» в философии XX в. не сводится ни к проекту «герменевтики фактичности» молодого М.Хайдеггера, ни к исследовательской программе его самого известного ученика - Г.-Г. Гадамера. Вводимое в диссертации понятие «школа мысли» позволяет, на примере Х.Арендт, лучше понять важнейшее философское событие XX в., которое тот же Г.-Г. Гадамер ретроспективно определил в своем обращении «К русским читателям» (1990) как «переход от мира науки к миру жизни».⁸ Поскольку этот «переход», инициированный Гуссерлем и Хайдеггером, а продолженный «теми, кто учился у них»,⁹ в русской философии XX в. почти не имел места,¹⁰ то подступ ко многим явлениям западноевропейской мысли, в том числе к герменевтико-политической программе Х.Арендт, оказывается

⁶ См., в частности: Мюрберг И.И. Свобода в пространстве политического: Современные философские дискурсы. М., «Идея-Пресс», 2009; Политическое как проблема: Очерки политической философии XX века / Под ред. Т.А.Алексеевой. – М., «Идея-Пресс», 2009.

⁷ Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000.

⁸ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., «Искусство», 1991. С.7.

⁹ Там же.

¹⁰ Маклин В.Л. Второе сознание: Подступы к гуманитарной эпистемологии. М., 2009. С.24-25

затруднительным. Актуальным в этой связи является также прояснение того, в какой конкретной связи Х.Арендт опиралась (в «Истоках тоталитаризма»), среди прочего, также на критику духовно-исторических истоков советского тоталитаризма в доступных ей работах русских мыслителей-эмигрантов (Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, А.Койре).

Степень разработанности проблемы. Поскольку тема диссертационного исследования носит отчасти «междисциплинарный» характер, то степень разработанности в научной литературе поставленной проблемы приходится характеризовать в различных, хотя и взаимосвязанных, плоскостях, а именно: 1) история понятия и современные трактовки тоталитаризма; 2) современные оценки теории тоталитаризма Х.Арендт; 3) проблема преодоления тоталитаристского прошлого как задача «мышления»; 4) методология и традиция «понимания» как историко-философский ресурс реконструкции арендтовской теории тоталитаризма.

(1) Понятие тоталитаризма уже в первой половине XIX в. косвенно проникло в философию путем привнесения политического смысла в понятие «тотальность», сначала у Гегеля (в «Лекциях по философии истории»), затем у молодого Маркса (в «Нищете философии»). В XX в. терминологизация понятий «тотальный», «тоталитарный», «тоталитаризм» первоначально происходила в политической публицистике, но очень скоро тот же самый ряд понятий приобрел (в итальянском фашизме) позитивный смысл. Однако не итальянский фашизм, а германский национал-социализм сумел радикально реализовать тоталитаристскую модель государства и общества после прихода Гитлера к власти в Германии; начиная с 1933 г., эпитет «тоталитарный» приобрел устойчивое негативное значение, а термин «тоталитаризм» быстро занял центральное место в западноевропейских и американских дискуссиях и исследованиях, посвященных феноменах общественно-политической реальности 1930-1950- гг., к которым этот термин применялся. Таковы в первую очередь работы эмигрантов-интеллектуалов из Германии (Ф.Боркенау, Е.Френкель, В.Гуриан, К.Фридрих, Г.Кон, М.Лернер, Ф.Нойман, С.Нойман, Г.Рейман, К.Р. Поппер, Х.Арендт). В последние десятилетия дискуссии о тоталитаризме получили новые акценты и тенденции, причем активными участниками дискуссий стали и российские исследователи, в особенности историки и политологи.¹¹ Репрезентативным можно считать исследование учившегося у М.Хайдеггера историка Эрнста Нольте, который в своей «феноменологической теории фашизма», следуя (как и большинство современных западных исследователей тоталитаризма) за Х.Арендт, подчеркивает, что реальная история идеологий не сводится ни к идеологиям самим по себе, ни к «истории идей», поскольку даже антагонистические идеологии «не остаются просто комплексами идей»: они «уже укоренены в реальных условиях» и «вступают во взаимодействие друг с

¹¹ См., например: Тоталитаризм в Европе XX века / Под ред. Я.С.Драбкиной и Н.П.Комоловой. М., 1996; Люкс Л. Большевикизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены // Вопросы философии. 1998. №7. С.48-57.

другом, а значит, претерпевают изменения».¹² Из отечественных исследований последнего десятилетия репрезентативна книга В.П.Любина,¹³ в которой дан сжатый обзор и критический анализ практически всей истории осмысления тоталитаризма в XX в., в особенности дискуссий 1980-1990-х гг. Наиболее характерные и опасные черты тоталитаризма, по мнению В.П.Любина, - это, во-первых, «национализация масс» (термин Дж.Массе), во-вторых, акцент на «революционности» в смысле противопоставления «современного» всему «бывшему» и «не созвучному» новому и передовому. Опираясь на опыт новейших дискуссий (особенно в Германии и в Италии) В.П.Любин дает понять, что именуемый «тоталитаризмом» феномен, так сказать, глубже собственного прошлого, и в этом смысле «прошлое никуда не уходит», причем концепция тоталитаризма Х. Арендт в этих новых условиях оказывается по-новому актуальной.

(2) Одной из особенностей современных исследований о Х.Арендт является то, что трактовка тоталитаризма в ее работах все чаще рассматривается и оценивается в историко-культурных и историко-философских координатах. В контексте данного диссертационного исследования особый интерес представляют такие работы о Х.Арендт, в которых проблематика тоталитаризма и, шире, «судьба политического» в XX в. увязываются с актуальными вопросами специфики философского мышления и научно-теоретического обобщения в их зависимости от традиций «мышления» (thinking) в арендтовском смысле этого слова. Из зарубежных работ последнего десятилетия репрезентативна статья М.Кэнован под характерным названием: «Теория тоталитаризма Арендт: переоценка».¹⁴ Концепция Х.Арендт, по мысли М.Кэнован, нуждается в «переоценке» постольку, поскольку, во-первых, в «Истоках тоталитаризма» исследуется не идейная или генетическая «сущность» тоталитаризма, но скорее фактическая множественность импульсов и феноменов, которые обычно просто подводят под общеизвестный термин, а во-вторых, непонятой и недооцененной остается реальное открытие Х.Арендт - «парадокс тоталитарной новизны». Отсутствие у М.Кэнован историко-философской проблематики компенсируется в тех исследованиях, где в центре внимания - отличия исследовательской программы Х.Арендт от мышления «профессионального мыслителя», в особенности от «немецких мандаринов» (ближайшим образом - от М.Хайдеггера), ответственных за «судьбу политического» в XX в. Таковы в особенности монографии известного французского феноменолога и историка философии Ж.Таминьо и американца Д.Виллы,¹⁵ а также многочисленные статьи, идущие в намеченном самой Х.Арендт направлении сближения понятия «философия» и понятия

¹² Польте Э. Европейская гражданская война (1917-1945): Национал-социализм и большевизм. М., «Логос», 2003. С.23.

¹³ Любин В.Н. Преодоление прошлого: спор о тоталитаризме. М., ИНИОН РАН, 2005.

¹⁴ Canovan M. Arendt's theory of totalitarianism: a reassessment // The Cambridge Companion to Hannah Arendt / Ed. by Dana Villa. Cambridge UP. P.25-43.

¹⁵ Taminiaux J. The Thracian Maid and the Professional Thinker: Arendt and Heidegger / Trans. and ed. by Michael Gendre. Albany 1997; Villa, D.R. Arendt and Heidegger: The Fate of the Political. Princeton 1996.

«политика» по линии герменевтического переосмысления философской традиции от Платона до Хайдеггера.¹⁶ Из немногочисленных отечественных работ проблемно-философского характера, прямо или косвенно посвященных концепции тоталитаризма в творчестве Х.Арендт, необходимо назвать: послесловие Ю.Н.Давыдова к русскому изданию «Истоков тоталитаризма»,¹⁷ статью Е.Г. Трубиной в «Вопросах философии»¹⁸ и статью А.А. Кара-Мурзы в «Новой философской энциклопедии».¹⁹ Ю.Н. Давыдов, во-первых, ставит теорию Х.Арендт в соответствующий историко-философский контекст (поздний Ф.Ницше, Х.Ортега-и-Гассет, К.Ясперс, М.Вебер, А.Вебер и др.); во-вторых, он подчеркивает теоретико-методологическую новацию Х.Арендт - отказ от мышления по принципу «исключительности», все равно, применяется ли этот объективирующий принцип в отношении жертв тоталитаризма или самих преступников; в-третьих, Ю.Н. Давыдов дает понять, что «все дальше заходящее расструктурирование (“омассовление”) общества» неизбежно ведет к усилению бюрократии, а значит, делает уязвимой демократию перед угрозой нового хаоса и новых тоталитаристских тенденций. В статье Е.Г.Трубиной сделана первая в отечественной литературе попытка осмыслить творчество Х.Арендт в целом и определить место ее теории тоталитаризма в наследии этого мыслителя. Е.Г. Трубина ставит в прямую связь мышление Х.Арендт с экзистенциально-онтологическими, феноменолого-герменевтическими открытиями ее философских учителей, отмечая, что в своем понимании тоталитаризма, как и в других своих концепциях, Х.Арендт вышла за пределы «традиционных стандартов рассуждения и объяснения» как неприменимых к социальному опыту XX в. Арендт оказалась пронизательнее как марксистских, так и экзистенциалистских проектов, в соответствие с которыми человек способен быть «своим собственным создателем и автором»; эти иллюзий Арендт считала последними метафизическими aberrациями «модерна». А.А. Кара-Мурза, со своей стороны, вносит очень важный акцент, когда он подчеркивает, что в своей теории тоталитаризма Х.Арендт вскрыла «социоантропологические особенности человеческого поведения». Кроме того, А.А. Кара-Мурза отмечает симптоматичный сдвиг в истории рецепции арендтовских идей за последние два десятилетия. Если в 1960-80-е гг. Арендт критиковали с «социологоцентричных и институциональных» позиций, то, начиная с 1990-х гг., по-новому востребованы «культуроцентричные, философско-политологические» акценты и импликации наследия Арендт; ее идеи.

¹⁶ См., например: Barash J.A. The Political Dimension of the Public World: On Hannah Arendt's Interpretation of Martin Heidegger // Hannah Arendt: Twenty Years Later / Ed. by Larry May and Jerome Kohn. Cambridge (Mass.); London 1997. P.251-268;

¹⁷ Давыдов Ю.Н. Ханна Арендт и проблема тоталитаризма // Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С.623-638.

¹⁸ Трубина Е.Г. Идентичность в мире множественности: прозрения Ханы Арендт // Вопросы философии, 1998, №11. С.116-130.

¹⁹ Кара-Мурза А.А. Арендт Ханна // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. / Под ред. В.С. Степина, А.А. Гуссейнова и др. (Ин-т философии РАН). М., Мысль, 2001. С.165-166.

Актуальны «при анализе форм “нового деспотизма” индустриального и массового общества как на Западе, так и в посткоммунистических странах».

(3) Вопрос о преодолении тоталитаризма в странах с тоталитаристским прошлым принципиально поставлен отечественным филологом-классиком и мыслителем-публицистом С.С. Аверинцевым.²⁰ Проблема ставится Аверинцевым не «вообще», не с отвлеченно-теоретической позиции, но как исторически конкретная и своевременная «попытка ориентации»; при этом «ориентация» понята как задача мышления: «Один из уроков, которые мы извлекаем из тоталитарных безумств состоит в том, что безумством оказывается всякая система рассуждений, когда она становится некритической по отношению к себе». Это и дает основание С.С. Аверинцеву подвергнуть критике современную псевдолиберальную вседозволенность и практиковавшееся в СМИ легкомысленное отметание тоталитаризма как просто идеологии для непросвещенных «масс»; напротив, «тоталитаризмы не были простым бунтом подсознания с его “архетипами”»; они получили свой исторический шанс лишь постольку, поскольку были абсолютно ложным ответом на вполне реальные вопросы, порожденные кризисом прежних идентичностей». Подход отечественного исследователя весьма напоминает позицию Х.Арендт за полвека до этого и по-новому освещает актуальность арендтовского подхода к тоталитаризму.

(4) В научной литературе о Х.Арендт проблема «понимания», насколько мне известно, никогда не ставилась в принципиальную и конструктивную связь с историко-философскими предпосылками ее теории тоталитаризма, с герменевтикой «классической» и «новой», а эта последняя не рассматривалась как основание исследовательской программы Х.Арендт. В русской философии XX в. не удержались или не получили развития те традиции мысли, которые имели решающее значение в творческом становлении Х.Арендт (феноменология, экзистенциальная онтология, герменевтика); обновленное историко-философское возвращение к этим традициям (в том числе отечественным) по-настоящему стало возможным (с опорой на переиздания, переводы, архивные открытия и т.п.) лишь в последнее время.²¹ Одним из относительно новых симптомов выхода герменевтической проблематики за формальные границы «герменевтики», «теории интерпретации» и т.п., как представляется, можно считать появление в российской науке историко-философских и историко-культурных

²⁰ Аверинцев С.С. Преодоление тоталитаризма как проблема: попытка ориентации. С.114-150.

²¹ См. в этой связи: Плотников Н.С. Жизнь и история: Философская программа Вильгельма Дильтея. М., 2000; Мотрошилова Н.В. “Идеи I” Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003; Она же. Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии 2007, № 7,9; Автономова Н. Познание и перевод: Опыт философии языка. М., РОССПЭН, 2008; Щедрина Т.Г. Архив эпохи: Тематическое единство русской философии. М., РОССПЭН, 2008; Махлин В.Л. Второе сознание: Подступы к гуманитарной эпистемологии. М., 2009.

исследований «политического».²² Своеобразие исследований в этой (междисциплинарной) плоскости определяется попытками увязать историко-философскую проблематику с современными проблемами социально-политических наук. Не удивительно, что в большинстве исследований такого рода герменевтико-политическая программа Х.Арендт играет важную роль, хотя историко-философские импульсы и основания этой программы, в лучшем случае, только упоминаются. Таков научно-исследовательский контекст, в котором данное диссертационное исследование занимает свое не случайное место.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационной работы - реконструировать конкретные аспекты концепции тоталитаризма Х.Арендт в контексте историко-философских предпосылок ее герменевтико-политической исследовательской программы.

Задачи, которые предстоит решить для достижения поставленной цели таковы:

- реконструировать историко-философский контекст мышления Х.Арендт, воспринятую ей «школу мысли»;
- реконструировать исследовательскую программу Х.Арендт как специфическую герменевтику «политического» в истории Нового времени;
- выделить и проанализировать «элементы кристаллизации» тоталитаризма в трактовке Х.Арендт;
- раскрыть связь герменевтико-политической программы Х.Арендт с ее теорией тоталитаризма;
- показать непрерывность и логику разрывов традиции герменевтической философии XX на материале творчества Х.Арендт;
- раскрыть своеобразие трактовки «тоталитарной личности» в творчестве Х.Арендт;
- реконструировать взаимосвязь понятий «радикальное зло» и «банальность зла» в арендтовской концепции тоталитаризма.

Теоретико-методологические основы исследования. В диссертации сделана попытка применить феноменолого-герменевтический подход, воспринятый Х.Арендт у молодого М.Хайдеггера, - принцип «мыслящего чтения», - к мышлению самой Х.Арендт как теоретика политики и интерпретатора тоталитаризма. Помимо самой Х.Арендт, «рабочим» ориентиром послужило диссертанту в особенности введенное Н.В. Мотрошиловой (в ее новаторском «введении в феноменологию») понятие «разъясняющей презентации текста»²³ как способа исследования («критического истолкования») в истории философии. Теоретико-

²² Политическое как проблема: Очерки политической философии XX века / Под ред. Т.А. Алексеевой. М., ИФ РАН. 2009; Мюрберг И.И. Свобода в пространстве политического: Современные философские дискуссии. М., ИФ РАН, 2009.

²³ Мотрошилова Н.В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., «Феноменология-Герменевтика», 2003. С.101.

методологической основой диссертации послужили в основном работы отечественных авторов – историков философии и таких эпистемологов, которые стремятся поставить в связь проблемы теории познания с научно-гуманитарными проблемами в свете «трансформации философии» в XX в., - исследования С.С. Аверинцева, Н.С. Автономовой, И.С. Вдовиной, П.П. Гайдено, И.Н. Грифцовой, Ю.Н. Давыдова, А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Махлина, Л.А. Микешинной, А.В. Михайлова, И.А. Михайлова, Н.В. Мотрошиловой, И.И. Мюрберг, Н.М. Смирновой, Э.Ю. Соловьева, Т.Г. Щедриной и др.

Научная новизна исследования. Постановка проблемы и проведенный анализ позволяют выделить в диссертации следующие моменты научной новизны:

- обоснована проблемная актуальность и современность арендтовской критики тоталитаризма, а также идейная и теоретическая связь теории тоталитаризма Х.Арендт с ее исследовательской программой социальной онтологии и герменевтики «политического»;
- реконструируется и истолковывается герменевтика «политического» Х.Арендт в историко-философском контексте «постидеалистического» мышления XIX в., «новой онтологии» и новой герменевтики XX в., в перспективе преодоления «метафизики» и «теоретизма» на исходе Нового времени;
- исследован подход и способ анализа Х.Арендт концепции тоталитаризма с акцентом на ее обращении к общественно-политическим и историческим предпосылкам и последствиям тоталитарного сознания и мышления, в контексте как социокультурных, так и научно-философских проблем Нового времени («модерна»);
- обосновано, что один из важнейших факторов тоталитарного правления - феномен «массы» - трактуется Х.Арендт как своего рода «децентрация» экзистенциальной философии ее учителей 1920-х гг., как «экзистенциализация массы», как «бунт» современных, ставших «излишними», людей против мира, лишённого корней человеческой общности и солидарности;
- при анализе трактовки Х.Арендт судебного процесса над А.Эйхманом показано, каким образом проблема «способности суждения» связана с арендтовской критикой разума как коммуникативного разума.

Теоретическая значимость исследования. В диссертации аспекты гуманитарной эпистемологии рассматриваются и проблематизируются на материале политической философии Х.Арендт таким образом, чтобы продемонстрировать значение и потенциал историко-философского исследования в контексте фундаментальных проблем «вечной философии». Историко-философский анализ нацелен на то, чтобы показать, вследствие чего и каким образом арендтовская философско-герменевтическая программа

уже в своем исходном пункте - теории тоталитаризма - ориентирована на критический пересмотр взаимоотношений между «фактами» и «идеями», «бытием» и «мышлением», «одним» и «многим», «теорией» и «практикой», разумом «чистым» и «нечистым» в классической философской традиции от античности до Нового времени.

Практическая значимость исследования. Методология и результаты проведенного исследования могут быть использованы в работах по истории философии, политической и социальной философии, политологии и философской антропологии, при подготовке лекционных курсов и семинаров по этим дисциплинам.

Апробация исследования. Результаты диссертационного исследования получили отражение в публикациях автора, в докладах и выступлениях на ежегодных научно-практических конференциях кафедры философии МПГУ, а также в виде выступлений на научных семинарах по философии и проведении научно-практического семинара со студентами-социологами пятого курса по теме данной диссертации (апрель 2009 г.). Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры философии Московского педагогического государственного университета. За это время по теме диссертации было опубликовано 2 статьи.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Общий объем работы – 142 с. Библиография насчитывает 461 наименование.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, выявляется степень ее разработанности в отечественной и зарубежной научной литературе, формулируются цель и задачи исследования, характеризуется его теоретическая и практическая значимость и описывается его структура.

Первая глава – «Историко-философские предпосылки и импульсы критики тоталитаризма в мышлении Х.Арендт» - посвящена анализу элементов и особенностей исследовательской программы Х.Арендт, того, что позволяет классифицировать эту программу как философско-герменевтическую, но в специфическом смысле.

В **первом параграфе** «**“Вся проблема”: подступ к программе**» с опорой в основном на интервью, взятое у Х.Арендт по западногерманскому телевидению 28.X.1964 г.,²⁴ выделяются и анализируются, методом «разъясняющей презентации текста» (Н.В. Мотрошилова), принципы арендтовской философии, о которых говорит в этом интервью сама Х.Арендт. Эти принципы: 1) критическое разбирательство с традициями мышления (герменевтика философской традиции); 2) подчеркнутое

²⁴ Arendt H. Essays in Understanding. Op.cit. P.1-23.

дистанцирование от академической философии; 3) традиционное для герменевтического мышления противопоставление «понимания» - безучастно-всеобщей «философии природы»; 4) герменевтическая рефлексия на «живое напряжение между философией и политикой», которым пронизана вся история философии, «начиная с Платона», и которая не сводится ни к «политической философии», ни тем более к политизированным подменам подлинного «мышления». Далее показано, что эти импульсы и интенции исследовательской программы Х.Арендт представляют собой развитие совершенно определенной школы мысли – школы, которая характерна в особенности для первого поколения учеников М.Хайдеггера в 1920-е гг., когда произошло основное событие в философии XX в. – «смена парадигмы» в гуманитарном мышлении, т.е. в понимании социально-исторического опыта. От Э.Гуссерля, К.Ясперса и особенно от молодого М.Хайдеггера Х.Арендт восприняла импульсы феноменологии и экзистенциальной онтологии, причем в теоретико-методологическом отношении решающим был ее отказ от принципа «свободы от оценки» в так называемой «понимающей социологии» М.Вебера. Х.Арендт считала днем своего рождения как мыслителя 27.2.1933 г. (день поджога рейхстага нацистами), когда она, дипломированный философ и автор диссертации об Августине, поняла, что произошло нечто абсолютно небывалое и «невозможное», и начала учиться видеть «глазами не зашоренными философией», а это означало для ученицы Хайдеггера и Ясперса – «понимать» реальные феномены исторического «мира жизни» (Э.Гуссерль) за пределами субъект-объектной парадигмы Нового времени, т.е. «всю проблему» познания и опыта, не ограниченную институционально специфическим кругозором и языком академической философии, хотя бы и ориентированной «экзистенциально».

Во втором параграфе «Кант и проблема “опыта”» общее направление осуществленного Х.Арендт «перевода» феноменологической и экзистенциально-герменевтической проблематики и методики в плоскость герменевтики «политического» рассматривается на материале основной историко-философской работы Х.Арендт «Что такое философия экзистенции?»²⁵ (1946), а эта работа, в свою очередь, сопоставляется с двумя статьями Г.-Г. Гадамера - «Экзистенциализм и философия экзистенции» (1981) и «Философские основания XX века» (1965).²⁶ При этом в центре внимание, с одной стороны, центральное, по мысли Арендт, событие современной философии – разрушение Кантом традиционной метафизики, а с другой стороны – попытки, начиная с позднего Шеллинга и вплоть до Хайдеггера, создать новое философское мышление – «позитивное» («экзистенциальное»), схватывающее реальную «действительность», в

²⁵ Arendt H. What is Existential Philosophy? //Idem. Essays in Understanding. Op.cit. P. 163-188.

²⁶ См.: Гадамер Х.-Г. Пути Хайдеггера (пер. А.В.Лаврухина). Минск, «Прописки», 2007. С.8-22; Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., «Искусство», 1991. С.16-26 (пер. В.С. Малахова).

отличие от «негативного» теоретизирования.²⁷ Несмотря на то, что Кант (ключевой, по мнению Х.Арендт, мыслитель философии Нового времени, ее «тайный король вплоть до сегодняшнего дня») в «Критике чистого разума» ориентировался на естественнонаучную модель «опыта», тем не менее, именно Кант, разрушив здание метафизики, вывел «мышление» за пределы «чистого» опыта в социально-исторический мир жизни, поскольку он вскрыл связь между познанием и бытием, познанием и опытом в аспекте их нераздельности, но и неслиянности: теоретизированная «объективность» мира и познания обернулась выходящей за пределы науки и теории объективностью «понимания» – реальностью «самих вещей» (Э.Гуссерль), но и реальностью «интерпретации» (Ф.Ницше). «Для каждого современного философа – не только для Ницше – интерпретация, в этом смысле, становится пробным камнем его философии».²⁸ В отличие от Гадамера или К.Левита, однако, «пробным камнем» философии Х.Арендт стала не история философии, не герменевтический опыт философской традиции, но общественно-политическая современность XX в., пролившая новый свет на все «традиции» западноевропейской истории, включая классическое философское наследие.

В третьем параграфе «Понимание, политика, тоталитаризм», отправляясь от основных положений статьи Х.Арендт «Понимание и политика (Трудности понимания)», (1954)²⁹ осуществляется анализ центрального эпистемологического термина Х.Арендт - «понимание» (understanding): это понятие ставится в систематическую связь с ее теорией тоталитаризма. Показано, почему и каким образом *проблема* тоталитаризма выступает в контексте воспринятых Х.Арендт философских традиций социально-онтологических понятий и категорий, хотя этот контекст сам по себе очень редко и неохотно эксплицировался этим немецким мыслителем, вынужденным к тому же адресоваться в первую очередь к англоязычной аудитории. Социально-онтологическим, «событийным» посредником между «пониманием» и «политикой», «пониманием» и проблемой тоталитаризма в мышлении Х.Арендт выступает понятие «мир». Бытие, или экзистенция, для нее, как и для Хайдеггера, - это «бытие-в-мире», т.е. бытие во множественном числе, не вообще «Человек» (тем более не «сознание вообще»), но люди, разные люди, - «множественность» (plurality) бытия в общем с другими мире. Поэтому негативно «мир» (world) всегда определяется и оценивается Х.Арендт по противоположности «жуткой

²⁷ Этому событию в современном мышлении в основном посвящено главное историко-философское сочинение К.Левита, другого, наряду с Арендт и Гадамером, ученика Хайдеггера в 1920-е гг.; см.: Левит К. От Гегеля к Ницше: Революционный перелом в мышлении XIX века. Маркс и Кьеркегор (1941) (пер. К.Лощевского). СПб., Владимир Даль», 2002. Со свойственной ей резкостью и парадоксальностью Х.Арендт даже утверждала, что, с точки зрения перехода от Канта к позднему Шеллингу, вся последующая философия носит «эпигонский» характер, поскольку проблема «экзистенции», собственно, и есть проблема «бытия»; см.: Arendt H. What is Existential Philosophy? Op.cit.P.163-164, 167-168.

²⁸ Arendt H. What is Existential Philosophy? Op.cit. P. 169

²⁹ Arendt H. Understanding and Politics (The Difficulties of Understanding) // Idem. Essays in Understanding. Op.cit. P.307-327.

ирреальности чистой человечности»,³⁰ фантомам идеализма и гуманизма, сделавшим «невозможный» тоталитаризм исторически возможным на исходе Нового времени (на стадии популяризации и перерождения идей европейского Просвещения); позитивно же «мир» понимается Х.Арендт как событие в принципе всякого повседневного общения, как «то, что возникает между людьми и где все, что индивиды несут в себе от рождения, становится зримо и слышно».³¹ По Арендт, все, что совершается как событие «между людьми», что становится «зримо и слышно», - это «политическое» в модусе повседневности.. «Политика», в этом смысле, включает, разумеется, и область так называемых государственных дел, но совершенно не совпадает с *официальными* представлениями, символами и «имиджами» государства, как не совпадает «политическое» также и с отвлеченно-теоретическими конструкциями философов («начиная с Платона») на предмет государственного переустройства. Согласно Х.Арендт, «тоталитаризм» невозможно определить в логике традиционной философии («метафизики») как некую «сущность» или «природу», «объективно»; возможно, однако, феноменологическое описание, герменевтическая реконструкция его беспрецедентной «фактичности».

В четвертом параграфе «"Транзитивная" герменевтика (Х.Арендт и М.Хайдеггер)» устанавливается историческое место исследовательской программы Х.Арендт в истории философской герменевтики и специально – в связи с хайдеггеровской революцией в способе мышления. Поразившая юную Х.Арендт способность М.Хайдеггера не столько говорить «по поводу» философии и философов, не излагать готовые идеи и концепции профессиональным философским языком, но непосредственно входить в проблематику «самих вещей», сохраняя и осмысляя при этом «временное отстояние» (Г.-Г.Гадамер), историческую дистанцию между жизненным миром интерпретируемого текста и жизненным миром интерпретатора, дало основание ученице в поздний период говорить о «транзитивности» хайдеггеровской мысли.³² Историко-философский парадокс, на взгляд диссертанта, состоит в том, что в своем творчестве, начиная с «Истоков тоталитаризма», Х.Арендт развивала то, что можно назвать ее «транзитивной герменевтикой», опираясь на и отталкиваясь от Хайдеггера, обращаясь к анализу (приняв всерьез) как раз таких феноменов, которые автор «Бытия и времени» оценивал в основном негативно («публичность», «толпа», «люди», «повседневность» и т.п.). В этой связи специально анализируется предисловие к книге «Люди в темные времена» (1968), где хайдеггеровскому утверждению: «Публичность замутняет все»³³ не полемически, но тем более глубоко противопоставляется мысль не о «просвещении», но о более скромном «освещении», которое «приходит не столько от теорий и понятий»

³⁰ Арендт Х. О человечности в темные времена: мысли о Лессинге (1960) // Она же. Люди в темные времена (пер. с англ. и нем. Г.Дашевского и Б.Дубина). М. «Московская школа политических исследований», 2003. С.27.

³¹ Там же. С.21.

³² Арендт Х. Хайдеггеру – восемьдесят лет // Вопросы философии, 1998, №1. С.128.

³³ Хайдеггер М. Бытие и время. М., "Ad Marginem", 1997. С.127.

(ведь невозможно «окольным путем мышления добиться гармонии с миром»), но от тех немногих, кто в «темные времена» несут свет опыта «мира», который неотделим от повседневности и публичности.³⁴ Этот переход «транзитивного» мышления от учителя к ученицы может быть правильно увиден и оценен только на фоне философско-герменевтической традиции в целом. В истории философской герменевтики различаются три основных этапа: в начале XIX века герменевтика стала универсальной теорией интерпретации, задачей «правильно понимать речь другого» (Ф.Шлейермахер); в конце XIX в. герменевтика становится теоретико-познавательным обоснованием для «критики исторического разума» (В.Дильтей); наконец, в экзистенциальной онтологии XX в. «понимание» стало уже не столько методом чтения текстов традиции, сколько «способом бытия» человека в жизненном мире (М.Хайдеггер) и отсюда уже – способом подхода к «историчности» всякого «бытия здесь», включая «горизонт» интерпретации самого интерпретатора философской традиции (Г.-Г. Гадамер. «Транзитивность» арендтовской исследовательской программы «понимания» - в «мыслящем чтении») исторических событий и феноменов, начиная с феномена тоталитаризма, а отсюда и текстов философской традиции (от Платона до Хайдеггера).

В пятом параграфе «Не каузальный подход» анализируется в основном та особенность теории тоталитаризма Х.Арендт, которая, вероятно, и делает эту теорию «странной» на взгляд более «профессиональных» теоретиков политики. Теория Х.Арендт не столько «объясняющая», сколько «понимающая». «Научное», в строгом смысле, объяснение тоталитаризма, по мнению Х.Арендт, невозможно (или, во всяком случае, не может быть достоверно убедительным) ни с позиции чисто теоретической, поскольку у тоталитаризма нет «сущности» в традиционном («метафизическом») смысле, ни с позиции традиционного историзма; ни тот, ни другой подход не могут сделать предметом анализа главное - радикальную новизну («беспрецедентность» тоталитаризма, а значит, не могут помочь в действенной «борьбе» с ним на уровне самого «мышления») (thinking). Тоталитаризм, по Арендт, - это «открытая» возможность, постоянная потенция современного мира (в том числе, как подчеркивает Х.Арендт, и так называемого «свободного мира») постольку, поскольку ему грозит утрата «мира» как надежного *общего* пространства многих и разных людей. Поэтому и историк тоталитаризма, по ее мнению, должен не столько объяснять «причины» тоталитаризма (в контексте его «сущности»), сколько реконструировать «элементы» тоталитаризма и исторические условия их «кристаллизации».

В шестом параграфе ««Отмирание» государства? «Конец» философии? (Х.Арендт и К.Маркс)» дается общая характеристика отношению Х.Арендт к Марксу и марксизму, а также анализируется значение Маркса в истории западной традиции политического мышления. К.Маркс важен для Х.Арендт

³⁴ Арендт Х. Люди в темные времена. Цит. изд. С.9-10.

потому, что Маркс, как никто до него, поставил проблему «выживания» философии после ее «завершения» Гегелем как проблему «политического», как задачу «снятия» отвлеченно-теоретического мышления - перехода от «интерпретации» мира к его реальному «изменению». Величие Маркса, по мысли Х.Арендт, заключается, парадоксальным образом, не в сильных, а скорее в уязвимых сторонах его мышления, не в его анализе капитализма XIX в., а в его «утопии» преодоления капитализма, как и в утопии преодоления философии. Согласно интерпретации Х.Арендт (в особенности в ее статье «Традиция и современная эпоха»³⁵), Маркс – подобно двум другим великим философам-бунтарям XIX в., Кьеркегору и Ницше, - оказался пленником традиций своего времени, а как мыслитель, перевернувший платоновское «начало» политической философии (в аллегории «пещеры» в «Государстве»), Маркс - это «конец» этой традиции, но совсем не в том смысле, в каком это понимал сам Маркс и его последователи. По мысли Х.Арендт, Маркс в своем понимании «свободного времени» и свободного труда в обществе будущего оказался как бы заложником традиции: в его представлениях (частью оправдавшихся в XX в., но в другом качестве и смысле) им неосознанно двигала традиция, а именно – греческий идеал «схолé» («досуга»), идеал гражданина, свободного от государства и общественных дел, и предающегося самым возвышенным занятиям - созерцанию, «теории», т.е. “*vita contemplativa*”, которую Маркс как раз стремился преодолеть в XIX в., а автор «*Vita active*» - в XX в.³⁶ Если М.Хайдеггер для Х.Арендт - это «вызов» (challenge) постольку, поскольку ее учитель в стремлении отличить «мышление» от «философии» остается все же «теоретиком», немцем «мандринном», ответственным за «судьбу политического» в XX в., то Маркс для Х.Арендт – это «вызов» в другом смысле. Она разделяет и темы, и позитивные интенции марксистской мысли, но при этом стремится показать, что характерная XIX в., для «буржуазной культуры», герменевтическая наивность, неосознанное влияние эстетизированного греческого мира жизни на «коммунистический идеал», сделала Маркса, марксизм и особенно русский марксизм в XX в. сильнейшими проводниками *тоталитарного мышления* и в философии, и в политике, и в науке.

Вторая глава диссертации «Элементы тоталитаризма» посвящена книге Х.Арендт «Истоки тоталитаризма». При этом анализируются и реконструируются различные аспекты ее теории тоталитаризма, причем основное внимание уделяется специфической логике «элементов» и логике «кристаллизации» тоталитарного мышления, тоталитарного сознания и тоталитарного правления.

В первом параграфе «Экспозиция теории тоталитаризма», в ходе «разъясняющей презентации» общих соображений, высказанных Х.Арендт в

³⁵ Arendt H. Tradition and the Modern Age // Idem. Between Past and Future (1954). N.Y./Lnd. 2006. P.17-40.

³⁶ См.: Арендт Х. Vita active, или О деятельной жизни (пер. с нем. и англ. В.В. Библихина). СПб., «Алетейя», 2000.

предисловии к «Истокам...», особое внимание уделяется утверждению, что тоталитаризм – это такая форма правления, «с которой невозможно какое-либо существование».³⁷ Это суждение является частью системы мышления Х.Арендт. Ее теория тоталитаризма останется не вполне понятой, если не заметить или игнорировать тот факт, что абсолютная внутренняя замкнутость, «монологизм» тоталитарного сознания и мышления (как индивидуального, так и коллективного) Х.Арендт уже здесь, в начале своей первой книги, ставит в связь с важнейшим критическим мотивом всего ее последующего творчества. Ведь система мышления и сознания, с которой «невозможно какое-либо существование» слишком напоминает традиционный идеал философа, чья душа (согласно Платону) ведет одинокую беседу сама с собой и только с собой. Экзистенциально-антропологическая, социально-онтологическая предпосылка тоталитаризма, согласно Х.Арендт, – это как раз «люди», но не на взгляд элитарного академического «теоретика», а в понимании своего собственного бытия-экзистенции как необоснованной, неукорененной. Общество в условиях XX в. теряет традиционные основания своего существования, теряет свой «мир». Люди как личности оказываются «лишними» или «излишними» (superfluous), и не на взгляд со стороны (скажем, ученого, «теоретика»), а на свой собственный взгляд. Иначе говоря, не «масса», но скорее человек во множественном числе сам себя сознает «излишним», выпавшим из традиционных социальных, классовых, культурных, связей; но при этом он не может принять этого положения вещей, «бунтуя» против распадающегося общества. По мысли Х.Арендт, этот «бунт», собственно, и превращает «толпу», как феномен буржуазного XIX в., в «массу», характерную для XX в.

Второй параграф «Антисемитизм как “спусковой крючок”» посвящен анализу второй части книги Х.Арендт, где автор старается осмыслить исторические «истоки» (а не только «причины») антисемитизма как «элемента», без которого, по мнению Х.Арендт, тоталитаризм обойтись не может, так что Сталин в конце жизни пришел к тому же, с чем Гитлер начинал. Х.Арендт не столько критикует антисемитизм, сколько пытается понять, каким образом он стал «элементом кристаллизации» тоталитаризма (сначала в Австро-Венгрии и в других странах Восточной Европы) и привел к Холокосту. По мысли Х.Арендт, радикализованный, государственный антисемитизм XX в. – это двойник и изнанка идеалов европейского Просвещения и Французской революции. Так, например, «равенство» – это идеализация, предполагающее уравнивание в политических правах; но как раз равенство в политических правах превращает идеал в реальность, поскольку на «экзистенциальном» уровне люди совсем не равны, а, наоборот, различны. Этот ход мысли (позднее развитый Х.Арендт в контексте критики абсолютистски-русоистского элемента во Французской революции³⁸), приводит автора «Истоков тоталитаризма» к убеждению, что именно

³⁷ Арендт Х. Истоки тоталитаризма (пер. с англ. И.В. Борисовой и др.). М., «ЦентрКом», 1996. С.7.

³⁸ См.: Арендт Х. Основание революции: свобода (1965) // Концепт “революция” в современном политическом дискурсе / Под ред. Л.Е.Бляхера и др. СПб., «Алетейя», 2008. С.39-49.

эмансипация евреев в XIX в. сделала их уязвимыми в XX в.; евреи стали уже не просто «париями» в обществе, но зеркалом общества – зеркалом, в котором «излишние люди» XX в. увидели свою собственную неукорененность и неустроенность. Поэтому «еврей» мог стать воплощением беспрецедентной ненависти; нацисты перенесли на него именно такие агрессивные и жестокие черты, мифологизация которых как раз и позволила реализовать те же самые черты в отношении еврейского народа в целом, как отчасти и в отношении других народов.

В третьем параграфе «Понятие империализма у Х.Арендт» речь идет о второй части «Истоков тоталитаризма». По мысли Х.Арендт, империализм – не столько последняя стадия капитализма, сколько начало конца «буржуазной» эпохи, когда буржуазии освободилась от ограничений, налагавшихся на нее национальным государством и европейской системой национальных государств; империализм – это начало бесклассового общества, но совсем не такого, о котором пророчествовал Маркс. По мысли Х.Арендт, ни национализм, ни классы в XX в. не играют решающей роли (вопреки идеологической риторике); империализм – это второй важнейший «элемент кристаллизации» тоталитарного образа мысли и тоталитарного правления, потому что принцип капитализма – принцип накопления капитала – становится, с конца XIX в., безграничным и интернациональным. Крах европейской системы национальных государств после первой мировой войны сделал все «естественные» границы условными, а войны, в сущности, «гражданскими». Историк XX в., по мнению Х.Арендт, должен осторожно относиться к таким традиционным и привычным понятиям, как «общество», «класс», «прогресс», «нация», но не потому, что они потеряли смысл, а потому что они существенно изменили свое место и свое качество в новых условиях «ситуации человека».

Анализ «империализма» в книге Х.Арендт, как экспансионизма в глобальном масштабе («колониального» в Западной Европе, «континентального» в Центральной и Восточной Европе), позволяет сделать вывод, что империализм в ее понимании – это как бы перевод идеи Ницше о «воле к власти» с языка метафизики на язык «политического».

В четвертом параграфе «Экзистенциализация “массы” и антиинтеллектуализм “элиты”» анализируется то, что можно, как представляется, считать одним из открытий книги Х.Арендт. В какой-то мере ее теория тоталитаризма необычна необычно потому, что привычная система представлений оказывается как бы перевернутой. Х.Арендт показывает не только процесс превращения «толпы» внутри классового общества XIX в. в «массу» внутри «расструктурированного» (Ю.Н. Давыдов) общества XX в. Если К.Ясперс, по свидетельству Г.-Г. Гадамера, в 1930-е гг. ужаснулся «экзистенциальному пафосу» народных масс и поспешил уравновесить развитое прежде им самим (с опорой на Кьеркегора) понятие «экзистенция» более традиционным понятием «разума»,³⁹ то ученица Ясперса Х.Арендт не

³⁹ Гадамер Х.-Г. Экзистенциализм и философия экзистенции. Цит. изд. С.8.

побоялась осмыслить этот «экзистенциальный пафос» в контексте и проблематики тоталитаризма, и проблематики «мышления». В сущности, можно говорить о своего рода «децентрации» Х.Арендт философского сознания, «новой онтологии», нисколько не умаляющей, конечно, философию, но поучительную в смысле характерной для XX в. зависимости «одинокого» мыслителя от социокультурного контекста, который он уже не может (как в предшествующие эпохи) игнорировать или как-то контролировать. Не только «люди» пребывают «в-мире», но и сам мыслитель. Х.Арендт важно показать, что нет «чистых», невинных, но мера ответственности у каждого – своя. Этот ход мысли особенно явствен там, где Х.Арендт обсуждает в своей книге многочисленные случаи, когда интеллектуалы в 1920-1930-е гг. соблазнялись тоталитарной идеологией. Х.Арендт при этом, как представляется, демонстрирует не столько «иррационализм», сколько, наоборот, глубокие в своем роде «резоны» антиинтеллектуализма интеллектуалов, которые не менее (а иногда и более) «массы» переживали себя «излишними» и стремились к «слиянию с партией и народом».

В пятом параграфе «Пандвижения» рассматривается особый духовно-идеологический феномен, так называемые «пандвижения», возникшие в 1970-80-е гг., которые Х.Арендт считает не столько «причиной» империализма, сколько его социально-онтологической симптоматикой, составной частью «элемента кристаллизации», «духовным» истоком тоталитаризма. На примерах в особенности «пангерманизма» и «панславизма» Х.Арендт показывает не столько и даже не столько историю этих движений, сколько раскрывает (как и в случае антисемитизма) своеобразную диалектику превращений этих националистических движений XIX в. в тоталитаристские идеологии, которые в первой половине XX в. стали, по сути дела, вне- или интернациональными «движениями», выражением тенденций всякого тоталитарного правления к безграничной империалистической экспансии, к мировому господству.

В шестом параграфе «Истоки русского тоталитаризма» анализируются две работы русских мыслителей-эмигрантов, книга «Истоки русского коммунизма» Н.А. Бердяева (1937) и статья Г.П. Федотова «Россия и свобода» (1946); на переводы этих работ Х.Арендт ссылается, среди прочего, в «Истоках тоталитаризма». Эти ссылки, на взгляд диссертанта, существенны потому, что они бросают обратный свет на работы как Н.А.Бердяева, так и Г.П.Федотова. В своей историко-политической герменевтике Х.Арендт, естественно, не могла не оценить как в довоенной книге Бердяева, так и в особенности в послевоенной статье Федотова сходные с ее собственной исследовательской программой попытки «рассказать» и осмыслить историю русской культуры в свете современности, в свете «темных времен» сталинизма или, как сказал бы Н.А. Бердяев, «нового средневековья». И у Х.Арендт, и у обоих русских мыслителей речь идет, явным образом, об общих вещах – об «истоках» тоталитарного правления и тоталитарного мышления. Но если у Г.П.Федотова и в еще

большей степени у Н.А.Бердяева опыт русского прошлого и советской современности предстает скорее по противоположности «Западу», то Х.Арендт, напротив, ставит и раскрывает «всю проблему» тоталитаризма как общеевропейского явления.

Третья глава «Банальность радикального зла» посвящена анализу книги Х.Арендт «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме». Основной акцент здесь герменевтико-политическом применении Х.Арендт кантовского понятия «способность суждения» к специфической ситуации суда над нацистским преступником.

В первом параграфе «Рецепция книги Арендт об Эйхмане» реконструируется история рецепции «отчета» Х.Арендт о процессе над А.Эйхманом. Если в «Истоках тоталитаризма» и примыкающих к этой книге статьях 1940-х -1950-х гг. Х.Арендт пыталась осмыслить и описать феномен тоталитаризма как «радикальное зло», то в книге об Эйхмане. При характеристике и оценках «тоталитарной личности» акцент сделан на «банальности зла» - тезис, который вызвал среди современников шок и породил целую компанию против Х.Арендт в печати. В поздних лекциях, из которых составила посмертно изданная книга «Жизнь духа», Х.Арендт призналась, что основная тема в особенности ее позднего творчества – «мышление» - возникла у нее на процессе над Эйхманом: ее поразила «мелкость» (shallowness) и «безмыслие» (thoughtlessness) главного исполнителя «окончательного решения». Х.Арендт отказывается видеть в Эйхмане демоническое чудовище, и это вызвало раздражение и неприязнь к ее книге очень многих, даже у некоторых друзей. Эта реакция, похожая на скандал, с большой ясностью высветила проблему книги - проблему суждения и осуждения «нормальной» тоталитарной личности, преступника, не соизмеримого со своими преступлениями.

Во втором параграфе «Критика процесса в Иерусалиме» реконструируется критика Х.Арендт процесса над Эйхманом как совокупности суждений, казалось бы, справедливых в некотором общем смысле, но не адекватных или даже лживых «фактично», т.е. несоизмеримых с «банальностью» преступника. С бесстрашной честностью Х.Арендт разоблачила, так сказать, тоталитарную логику и идеологию навыворот, которые проявились на этом процессе в качестве официальной позиции Израиля: поскольку еврейский народ жертвой неслыханного геноцида, то только евреи (а не международный суд) вправе судить Эйхмана (в назидание не-евреям). Х.Арендт усматривает в этой позиции комплекс ущемленной мессианской исключительности и оценивает в свете одной из основным тем своей философии: это – проблематика «одного-среди-других» в общем «мире; этим «одним» может быть философ, или «просто» человек, или целый народ. И ту же самую «монологичную» логику, что и у судей Эйхмана, Х.Арендт обнаруживает у обвиняемого: отвечая на все обвинения одинаково: «Не виновен по существу обвинения», выражает суждение в логике не *вменяемого*, и эта логика как бы неуязвима.

В третьем параграфе «Проблема суждения о беспрецедентном» производится реконструкция позиции самой Х.Арендт на суде в Иерусалиме и анализируется связь между более ранней арендтовской трактовкой тоталитаризма как «радикального зла» и более поздней, связанной с шокирующим тезисом о «банальности зла». Подвергнув критическому анализу и отвергнув, в сущности, все более или менее официальные суждения о нацистском преступнике, от демонизирующих Эйхмана (судьи и значительная часть общественного мнения) до более «великодушных» (М.Бубер и группа профессоров Иерусалимского университета, высказывавшиеся против смертного приговора Эйхману), Х.Арендт, тем не менее, сформулировала собственное суждение, «приговорив» Эйхмана к смертной казни через повешение за радикальное зло, которое состояло в лишении народа права жить среди других народов в общем для всех мире, - такое зло не имеет оправданий. В этом смысле тезис о «банальности зла» должен быть понят лучше: это только новый, более взвешенный ответ Х.Арендт на вопрос о тоталитаризме, вопрос о возможной *реальности* зла.

Текст диссертационного исследования завершается **заключением**, в котором отражены результаты работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Глинский А.В. «Толпа» и «массы»: трансформация буржуазного общества в XX в. // Преподаватель XXI век. – М., 2009. - №3. – С. 285-288. 0,3 п.л. (статья)
2. Глинский А.В. Феномен воли в концепции Шопенгауэра и проблема власти (на примере его работ «Мир как воля и представление») // Ученые записки МГПУ. Обществ. Науки. - Выпуск 5. - Мурманск, 2009. – С. 122-127. 0,4 п.л. (статья)

